

Правдин Б. Медицинская диссертация о Чехове // Слово
(Рига). 1927. 15 сентября. № 624. С. 4.

Медицинская диссертация о Чеховѣ.

Французскій врачъ Анри-Бернарль Дюкло избралъ темой своей докторской диссертации Чехова. «Антонъ Чеховъ — врачъ и писатель», называется его изслѣдованіе, только что вышедшее въ издательствѣ Б. Грассе.

Цѣль работы — прослѣдить, какъ знаніе медицины и занятіе ею отозвалось на творчествѣ автора «Дяди Вани». Медицина, утверждаетъ Дюкло, оказала огромное вліяніе на складъ ума Чехова. Чеховъ-врачъ всегда незримо присутствуетъ при работѣ Чехова-писателя и очень часто водитъ его перомъ. Медицина вовсе не была для Чехова занятіемъ скучающаго диллетанта или однимъ лишь источникомъ заработка. Онъ любилъ медицину ради нея самой, въ занятіи ею находилъ моральное удовлетвореніе.

О вліяніи, которое имѣла на него медицина, самъ Чеховъ такъ говоритъ въ біографическомъ письмѣ, адресованномъ Г. И. Россолимо. «Я увѣренъ, писалъ онъ, что занятія медициной имѣли огромное вліяніе на мои литературные труды. Расширяя кругъ моихъ наблюденій, она обогатила меня познаніями, цѣнность которыхъ можетъ быть понята только врачами. Она руководила мною, и тѣсной связи съ медициной я обязанъ по всей вѣроятности тѣмъ, что могъ избѣгнуть массы ошибокъ».

Благодаря знанію медицины Чеховъ, по замѣчанію его французскаго изслѣдователя, не запутался въ тенетахъ натуралистическаго романа, какъ это было съ критически мало подготовленнымъ Золя. Чеховъ не только говоритъ какъ врачъ, онъ и думаетъ какъ врачъ. Онъ никогда не упускаетъ случая отмѣтить у такъ называемыхъ здоровыхъ людей

ихъ физическіе недостатки, тѣлосложненіе, указать, чего имъ не хватаетъ, въ смыслѣ здоровья, упомянуть объ ихъ наслѣдственности. Постоянно наблюдая, какъ врачъ, человѣческое страданіе, онъ изображаетъ его такъ, какъ никто изъ не-медиковъ.

Всего нѣсколько словъ, черточекъ, а читатель-врачъ легко узнаетъ симптомъ болѣзни и сможетъ поставить діагнозъ. Писатель не-врачъ поступилъ бы иначе: онъ или прямо назвалъ бы болѣзнь, или пустился бы въ подробности, списавъ ихъ изъ учебника патологии, самъ иначе, въ томъ не понимая, какъ это дѣлалъ Золя. Чеховъ никогда не ставитъ діагноза — специальную терминологию онъ замѣняетъ обыкновенными ходячими выраженіями. «Онъ, по опредѣленію Дюкло, наблюдательнѣе, какъ врачъ у постели больного, или вѣрнѣе сказать, какъ наиболѣе симпатичный изъ врачей: сдержанный, съ глубокой и напряженной впечатлительностью, съ спокойнымъ героическимъ, доходящимъ до отчаянія мужествомъ, требующій отъ науки, чтобы она служила жизни. Съ перваго взгляда кажется, что онъ человѣкъ безсердечный, но присмотритесь ближе, и вы увидите, какъ неисчерпаемъ запасъ чувства этого человѣка».

Дюкло приводит интересный перечень болѣзней въ произведеніяхъ Чехова: какихъ только заболѣваній онъ не изображалъ! Дюкло цитируетъ фразы изъ Чехова, казалось бы случайно брошенныя, но для читателя-врача полныя глубокаго смысла, ибо онъ символизируютъ ту или иную болѣзнь. Въ повѣсти «Три года» Полина падаетъ въ обморокъ: «ея плечи похолодѣли, пульсъ былъ не

правильный». Для врача это знаменательныя слова. Въ томъ же произведеніи описаніе болѣзни Нины Феодоровны — чисто клиническая картина рака. Для больныхъ астмой, водянкой, неврастеніей, падучей, Чеховъ находитъ совершенно точное изображеніе. Картина болѣзни въ рассказѣ «Тифъ» напоминаетъ Дюкло законченное клиническое изслѣдованіе. «Именины» и ихъ героиня — Ольга Михайловна, — это кладѣзь цѣннѣйшихъ свѣдѣній о психикѣ беременной женщины. Французскій критикъ Чехова восторгается тѣмъ, какъ удивительно Чеховъ изображаетъ состояніе беременной, какъ масса у него наблюденій, необычайно цѣнныхъ для врача. Или такіе бичи человечества, какъ туберкулезъ и алкоголизмъ. Въ произведеніяхъ Чехова имъ удѣлено много мѣста. Но тутъ, какъ и при описаніи другихъ болѣзней — Чеховъ никогда не морализируетъ, никогда не разсуждаетъ объ ихъ социальномъ значеніи. Но онъ описываетъ ихъ такъ, что для самаго неподготовленнаго читателя ясно, какія это ужасныя бѣдствія. Рѣдко у кого изъ писателей мы имѣемъ такое мастерское изображеніе смерти, какъ у Чехова. «Чеховъ дѣлаетъ его съ необычайной, поражающей точностью и жадностью къ деталямъ» — говоритъ Дюкло.

Въ одной только области болѣзней — Чеховъ-писатель, по мнѣнію его французскаго изслѣдователя, — не оказался на должной высотѣ. Это при изображеніи психическихъ болѣзней. «Палату номеръ 6» принято считать мастерскимъ произведеніемъ въ смыслѣ изображенія картины душевнаго заболѣванія. Дюкло подвергаетъ повѣсть строгому научному анализу и отмѣчаетъ рядъ дефектовъ. Аналогичные недостатки находитъ онъ въ «Черномъ монахѣ». Какъ въ «Палатѣ номеръ 6», манія преслѣдованія вос-

произведена съ существенными погрѣшностями противъ науки, такъ грѣшитъ противъ нея картина маніи величія въ «Черномъ монахѣ». Причина такихъ упущеній понятна: гдѣ Чеховъ, земскій врачъ, могъ наблюдать душевно-больныхъ? Они были рѣдкими пациентами въ его практикѣ.

Но эти рѣдкія погрѣшности нисколько не мѣняютъ общей оцѣнки, которую даетъ творчеству Чехова Дюкло. «У Чехова писателя, — говоритъ онъ, — были самыя цѣнныя для врача качества, — даръ наблюдательности, тонкость пониманія, критическое чутье, здравый разумъ, и къ тому же духъ интуиціи, пониманія причинной связи и доброе сердце. Онъ умѣетъ какъ никто, оторваться отъ мелочей, чтобы сказать о самомъ существенномъ. «Только серьезное и вѣчно выводите на сцену», совѣтуетъ Треплевъ докторъ Доринъ въ «Чайкѣ». Такъ поступаетъ всегда самъ докторъ А. П. Чеховъ. И въ этомъ его значеніе, неувядающая цѣнность его произведеній не только для Россіи, но для всего міра», — утверждаетъ Дюкло.

«Чеховъ, котораго русскіе считают однимъ изъ наиболѣе русскихъ писателей, намъ французамъ кажется наиболѣе близкимъ къ намъ, наиболѣе западнымъ. Насъ привлекаетъ въ этомъ русскомъ писателѣ его достойная манера держать себя безъ всякой примѣси презрительнаго самомнѣнія, его пріятіе жизни и отрицаніе нигилизма, его внутренняя дисциплина, — всѣ качества, которыми онъ обязанъ медицинѣ, — его удивительный талантъ, слагающійся изъ совершеннѣйшаго знанія сердца и поэтическаго міроизученія».

В. Правдинъ.